

Владимир ЛЕВЧЕНКО

ЗДЕСЬ ЛЮДИ ЖИВУТ

Рассказ

Ох, и зима нынче – как огромная, злая, лохматая собака. То набросится и кусает без удержу лютым морозом. То навалится темным бураном, словно придавит тяжелым серым боком. И не жалко ей никого, морозит да вьюжит. Снега полно. Домишки деревенские до окон им облеплены. Стоят будто в тулупах овчинных. А кому и под самую крышу намело. Если поедешь от конька по скату, так как раз с крыши в сугроб и усядешься.

Из печных труб – дымы клубами, густые, вихрастые. В окнах желтый свет, тоже густой и теплый, похожий на яичный желток. Теплый, потому что за стенами в домах тепло живет. Люди живут.

Стекла в окнах сплошь морозным узором затянуты – сколько же разных причудливых завитков можно разглядеть в этих серебристых кружевах! А если смотреть в окно в рассветный час, то увидишь, как серебро розовым становится.

Но сегодня метет. Да не просто метет, а – ой как! Ветрина ручищами громадными хватает снег и с неба, и с земли, смешивает все и швыряет куда попало. Толчет да месит, толчет да месит. И не разобрать толком в завывающих густых вихрях, где земля, где небо. Весь мир – как безразмерная ступа с белым месивом.

– У-у, буран-то темный совсем, – говорила у окна бабушка Евдокия двум своим внукам – Наде и Люде. – На улицу сегодня ходу нету. Дома играйтесь, золотцы мои самоварненькие.

– Баба, – посмотрела вместе с ней в заснеженное окно старшая из сестренек, Надя, – я и в школу сегодня не пойду?

– Куды ж идти? Заметет тебя и потеряешься.

– А давай тогда зиму прогонять, раз она такая сердитая и на улицу нас не пускает.

– Давай зиму прогонять, – повторила за сестрой младшая, Люда.

Владимир Левченко родился в 1958 году на Алтае. Окончил филологический факультет Алтайского государственного университета. Автор книг прозы «Крест милосердия» и «Здесь люди живут».

Печатался в журналах «Аврора», «Алтай», «Бийский вестник».

Живет в Барнауле.

– Зиму прогонять? – улыбнулась носикам-курносивкам бабушка Евдокия. – Ну давайте. Вставайте-ка со мной рядом да подбоченьтесь... вот так – руки в боки. А теперь нахмурьтесь на окно и говорите: «Эй, седа зима, из метели борода! Ступай за околицу, не просись к нам в горницу!» А теперь ножками сердито затопаем, затопаем... Вот так.

– Уходи, зима, из метели борода! – хмурились девочки на окно.

– А покуда буран не угомонился, дома забавляйтесь. Берите сказку да полезайте на печку.

– Давай, Люда, мы с тобой сегодня «Цветика-семицветика» снова читать будем, – взяла Надя тоненькую книжечку с разноцветным цветком на обложке.

– Давай.

– Вот и ладно, – посмотрела на книжку и подставила к печи табурет бабушка Евдокия, – хошь мало зерно, а росток добрый даст. Подымай-тесь.

Сестрички по очереди забирались на табурет, вставляли одной ножкой на приступок, сделанный в беленом боку печки. Бабушка под вторую ножку подставляла им свою ладонь, а другой ладонью подхватывала их под попку. И взлетали с радостным смехом птахи во фланелевых платьицах на просторную печную лежанку, застеленную примятой белой овчиной.

– Вот так вот. Устраивайтесь тут, с пимиками своими рядом, – подняв внучек на печь, улыбнулась им бабушка, – хохотушки-веселушки. Ишь, покатываются, воробьята смешливые.

– Ха-ха-ха! – еще больше рассмеялись девочки и даже глаза закрыли от счастья.

– Ну хватит уже, животики заболят. Занавеску-то задернуть вам?

– Задерни, баба...

– Задерни.

– Не шалите тут.

Между печкиным углом и цветастой занавеской осталась лишь узкая полоска. Блеклый дневной свет от заметенного окна лился в нее, сочился через тонкую занавесь и превращался в маленьком пространстве над лежанкой в свет особенный. Такой свет, наверное, мог быть вокруг цветка, в котором спала Дюймовочка. Или на балу в королевском дворце, где в хрустальных тувельках танцевала Золушка. И никто во всей замороженной и занесенной снегом деревне не знал и даже не догадывался, что в небольшом доме на уютной печной лежанке две сестрички читают сейчас сказку «Цветик-семицветик». И исчезает грань между волшебством и реальностью.

– «Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что осталось всего один лепесток», – старательно проговаривала Надя каждое слово, а Люда, приоткрыв ротик, слушала. – Вот если бы у нас был такой цветик, мы бы так с тобой лепестки не поистратили. Правда, Люда?

– Правда.

– Нам бы такой, так хорошо было бы. Да, Люда?

– Да, очень хорошо было бы.

– А давай мы его сами смастерим. Нарисуем как на книжке, раскрасим и вырежем ножницами. И у нас будет свой цветик-семицветик.

– Давай! – радостно захлопала в ладоши Люда, представив, что у них появится свой волшебный цветок.

– Баба, иди, снимай нас! – крикнула Надя, улегшись на живот и свесив с печи ноги. – Я уже висю.

– Чей-то быстро вы, – подошла бабушка Евдокия и подхватила подмышки старшую внучку, – сидели бы ишо, отец с матерью на работе куда. Не скоро придут.

– Мы цветика-семицветика за стол рисовать пойдем, как на книжке.

– А-а, ну ладно тогда, – поймала бабушка прыгнувшую с распахнутыми ручонками к ней в руки Люду, – ступайте, рисуйте.

Девочки взяли с собой книжку, взяли альбом, простые и цветные карандаши, разложили все на круглом столе, застеленном бордовой плюшевой скатертью. Залезли с ногами на стулья и склонились над чистым белым листом.

– Баба, включи нам свет! – крикнула Надя.

Желтый абажур, украшенный свисающими кистями, засветился прямо над головами сестричек и стал похож на яркое летнее солнышко.

– Давай, Люда, я лепестки нарисую, чтобы лучше получилось, а ты стебелек. А раскрасим потом вместе.

– Давай.

Сестры очень старались, и цветок у них поэтому получился как на книжке, как настоящий, как волшебный. Вот только одна незадача помешала закончить дело – не оказалось голубого карандаша. Он почти весь изрисовался, а коротыш, остаток его, где-то потерялся.

– Ну пусть пока наш цветик-семицветик в альбоме поживет, – сказала Надя. – Я потом раздобуду в школе голубой карандаш, и мы раскрасим последний лепесток. И тогда вырежем цветок.

Так девочки и решили.

Буран прекратился на следующий день. Улетел на своей чумной метле неизвестно куда, оставив людям на память заметенные снегом дворы и дороги. На смену ему, вопреки обычному, вместо мороза пришла оттепель.

– Вот погода, – смотрела в оттаявшее, просветлевшее окно бабушка Евдокия, – девка капризная: то ей в сарафане жарко, то в шубе холодно.

А Надя отправилась в школу, в свой второй класс. На перемене она купила в буфете компот и коржик. Компот выпила, а за коржик выпросила у девочки из четвертого класса голубой карандаш. Не насовсем, на один день, маленько порисовать.

– Люда! Люда! – закричала Надя с порога, вернувшись из школы. – У меня сегодня для тебя радость! Закрой скорей глаза.

Люда села на стул, закрыла глаза и в ожидании выставила перед собой ладони. Старшая сестра достала из портфеля и положила на них голубой карандаш.

– Открой глаза.

– Ой, Надя, ура! – соскочила со стула младшая сестричка. – Ты принесла голубой цвет, и мы сегодня сможем раскрасить последний лепесток!

– Раскрасить и вырезать наш цветик-семицветик.

– Надя, у меня тоже сегодня для тебя радость. Закрой глаза.

– Какая? – Надя удивленно попятилась к стулу, села, закрыла глаза и выставила перед собой руки.

А Люда достала из кармашка платья конфету «Кара-Кум» и положила ее сестре на ладонь.

– Открой глаза. Я прошлый раз не съела, когда ты свою съела, а теперь хочу с тобой поделиться, раз у нас сегодня так много радости.

– Ура! – обрадовалась Надя.

Сестры съели пополам очень вкусную конфету, выкрасили голубым карандашом последний лепесток и вырезали из альбомного листа свой цветик-семицветик. Предстояло перейти к загадыванию желаний. Цветик был один на двоих, поэтому и желания решили загадывать вместе. Так даже лучше – дружнее. Надя и Люда помнили, что не стоит тратить волшебные лепестки впустую, как девочка Женя из книги. Зачем, например, расходовать лепесток на возвращение с Северного полюса? Лучше уж не тратить его на путешествие на этот самый полюс. Вон у них – своя зима за окном. Хотя, конечно, сейчас оттепель, но все равно. Два лепестка на это путешествие Женя истратила, а пользы никакой. Нет, так не годится. Поэтому Надя с Людой решили начать желать с очень большой и удивительно красивой перламутровой пуговицы. Бабушка хранила ее в своем сундуке, в деревянной шкатулке для памятных вещей. На эту пуговицу застегивался широкий пояс платья, в котором бабушка Евдокия выходила замуж. От того платья, кроме перламутровой пуговицы, давно ничего не осталось. А от свадьбы через время протянулся лучик и превратился в яркий свет – вот они, носики-курносики, подрастают, саженцы сортовые. И сколько бы ни просили сестрички отдать им удивительно красивую пуговицу, бабушка никак не соглашалась.

– Не трожьте, другим играйтесь. Задевается куды-нибудь, и все тогда.

Но внучки никак не могли смириться с запретом. Уж такая она была большая и красивая, эта жемчужина (а именно жемчужиной они ее и считали). Переливалась перламутром, блестела какими-то эмалевыми переливами – глаз не оторвать. И если бы проходил конкурс жемчужин всего мира, их бы жемчужина обязательно заняла первое место. А то, что она расплющена, так это даже еще красивее. Поэтому, когда в руках у Нади с Людой оказался цветик-семицветик, первый лепесток они потратили на пуговицу. И чудо случилось – бабушка согласилась. То ли правда волшебство подействовало, то ли таким громким шепотом девочки загадывали желание, что бабушка все услышала и не смогла спорить с чудесным цветком. Это теперь останется секретом.

– Ладно, золотцы самоварненькие, – вздохнула бабушка Евдокия, – берите пуговицу. Не затеряйте только. Она на ножке, в ножке дырочка. Так отцу сказать надо, чтоб застежку сделал, как на броши.

И так уж радовались, так радовались сестрицы. Все смеялись от счастья и прикладывали к платьицам свою жемчужину.

А второй лепесток через день потратили на бусы. На этажерке, в шкапулке, украшенной морскими ракушками, лежали порванные мамыны бусы. Все бусины при порыве собрали и хранили в пакетике, а нанизать их на новую прочную нить у папы все руки не доходили. То одно, то другое – некогда. Надя с Людой время от времени доставали из шкапулки пакетик, раскладывали бусины на бордовой плюшевой скатерти и зажигали над столом желтый абажур. И россыпь бриллиантов перед восхищенными глазами девочек загоралась белым огнем с синими искрами. Ничего не понимающие в драгоценностях посторонние взрослые лягнули бы глупость о дешевых стекляшках. А Надя с Людой не сомневались, что так сверкают самые лучшие бриллианты. Так сверкают, что сердечки замирают. Просить у мамы невероятные драгоценности нас всем девочки прежде не решались. Но теперь у них был цветик-семицветик – и отказаться загадать такое замечательное желание не осталось никакой возможности. Сестрички загадали. На удивление, мама сразу согласилась отдать дочкам свои бриллианты (наверное, шепот опять получился у девочек очень громким).

– Были одни бусы, станут двое.

И у папы смастерить двое бус из одних время нашлось.

– Ох, нарядницы, – залюбовалась мама дочками.

А те крутились без перерыва в сверкающих бриллиантовых бусах перед зеркалом.

– Вот какой волшебный у нас цветик-семицветик. И бабушка его слушается, и мама, и папа. Да, Люда?

– Да, вот какой волшебный.

За несколько дней сестрички пожелали себе еще по белым пимикам и по новому пупсику. Каждому пупсику папа сделал по кровати, а бабушка сшила крошечные покрывальца и подушки. И остался на волшебном цветке один лепесток, голубой. Девочки поняли, что к жемчужной броши и бриллиантовым бусам они обязательно должны загадать платья принцесс и маленькие блестящие короны.

– Давай, Люда, мы оставим этот лепесток до восьмого марта. Тогда мы на праздник нарядимся принцессами. Хоть еще весь февраль ждать и потом еще восемь дней, но мы подождем. Давай?

– Давай.

Они убрали волшебный цветик с единственным оставшимся лепестком в альбом для рисования, в котором между чистых листов уже хранились оторванные раньше лепестки. И пообещали себе ждать марта изо всех сил, последний лепесток не трогать.

Неожиданная оттепель, постояв, на радость людям, дней пять, резко сменилась крутыми морозами. Седые, хмурые, они так обжали дома

своими цепкими медвежьими лапами, что печные трубы дымили почти без остановки.

– Ух, морозяка, стены грызет, – подкладывала в топку узловатые березовые поленья бабушка Евдокия. – А мы его жаром-то отвадим. Ишь, лупоглазый.

Вся малышня деревенская засела по домам. Надя с Людой тоже. Чуть на улицу нос высунут и сразу обратно. Десять минут, а щеки уж красны. Но дома на печной лежанке за занавеской теплынь и уют. И ничего мороз им не сделает. Они то там посидят, то перед зеркалом в бусах повертятся. Смеются-заливаются. Так им хорошо! Такое счастье!

А родителям в эти морозные дни хлопот добавилось: корова Зорька должна была вот-вот отелиться. Случились роды самой морозной ночью, под утро. Накануне вечером Надя и Люда видели, как папа в дальнем углу между печкой и стеной сделал из двух табуретов и широкой доски загородку. Пол в ней застелили клеенкой, старым одеялом и сеном. Потом девочек уложили спать, а папа с мамой всю ночь ходили в стайку смотреть корову – как она. К пяти часам наконец Зорька отелилась. В ход пошли приготовленные теплая вода, тряпки. Теленка посыпали солью, и корова начала старательно вылизывать его. Вся эта гигиена уже заканчивалась, когда рогатая мамаша вдруг поскользнулась на еще сыром после отела полу. Она неуклюже взбрыкнула и ударила копытом теленка по ноге.

– Ох, господи-то! – Накинули на малыша старенькое покрывало, подхватили на руки и унесли в дом. Положили в загородке на сено. – Гляди, как саданула, до кости все снесла.

У теленка на передней ноге выше колена кровоточила длинная и широкая рана. Обработали ее и прилегли отдохнуть.

– Баба! Баба! У нас теленок! – проснулись Надя с Людой, когда родители их уже ушли на работу.

– Выспались, голубы, – встретила внучек у печки бабушка. – Хворый у нас теленок получился. Не доглядели за Зорькой, вот она и лягнула его копытом. Нога вон выше колена разбита вся.

– Почему Зорька так сделала? – рассердилась на корову Надя. – Она такая злая?

– Да с чего ж бы злая? Не злая, хорошая у нас корова. Она и не знает, что дитенка шибанула. Нога по полу поехала, вот и взбрыкнула. Глядите-ка, – бабушка наклонила к девочкам доильное ведро, – вон сколь молозива у нее сцедила. Щас в бутылку перельем, соску оденем и кормить будем телочку. Хорошая у нас Зорька, хорошая.

Сестрички перестали сердиться на корову и стали жалеть бедного пораненного теленка. Он стоял в загородке, тихо мычал и тянулся к их рукам.

– У него нос холодный и мокрый, – положила ему на морду ладонь Надя. – И язык шершавый, он мне руку лижет.

– Он мягкий и гладенький, – провела пальчиками по светло-коричневой шее Люда.

– Не он, говорю, а она, – надела бабушка белую резиновую соску на заполненную бутылку. – Телочка она. Давай-ка, милая, кормиться будем.

– А как мы ее будем звать? – разом спросили девочки.

– А как придумаете с папкой, с мамкой, так и назовете, – заправила в рот телочке соску бабушка, и та, сопя и чмокая, потянула молозиво из бутылки.

С общего согласия ее называли Мартой. Два дня прошли хорошо: она ела, мычала и добросовестно делала в загородке все свои дела. А на третий перестала есть, легла на сено и затихла.

– Марта! Марта! – звали ее у загородки девочки. – Подойди к нам.

Но Марта не отзывалась, а только устала куда-то мимо темные бархатные глаза.

– У нее нос был мокрый, а теперь сухой и горячий, – перелезла тогда к ней через заградительную доску Надя.

С Мартой нянчились все: лечили, поили чем-то насильно, меняли сено.

– Да-а, загнила нога, – сказал папа и отправил дочек из кухни в комнату. – Чищу рану, чищу, а гной все больше прет. На кость, видать, перешло. Потерять можем телушку.

Надя с Людой хоть и были выставлены в комнату, но все папины слова расслышали. Люда про смерть еще ничего не знала, поэтому сказанное поняла так, как если бы бабушка сказала про жемчужную пуговицу: «Не затеряйте только». И готова была день и ночь сидеть рядом с Мартой и смотреть на нее все время, только бы она никуда не потерялась.

А Надя уже знала про смерть. Она все поняла и так сильно испугалась за Марту, что заплакала. От ее слез младшая сестра тоже наморщила носик.

– Люда, – всхлипывая, решительно заявила Надя, – мы должны спасти Марту. Она такая маленькая и так сильно болеет. Давай потратим на это наш последний лепесток. Мы уже много попросили у цветика. Вон у нас всего сколько, а Марта так сильно болеет. Давай мы спасем ее.

– Давай, – сразу же согласилась Люда и перестала морщить носик. И от согласия даже ладошки прижала к груди.

Сестрички зажгли над столом солнечный абажур, положили на плюшевую бордовую скатерть альбом, достали цветик-семицветик и оторвали последний лепесток. Говорили они и одновременно, и по очереди.

– Лети, лети, лепесток... Вели, чтобы у нашей Марты нога зажила. Она такая маленькая и бедная, и мы ее очень любим. Если надо, мы даже можем отдать обратно и наши красивые бусы, и пупсиков с кроватками. И снова можем ходить в черных пимиках. Только жемчужную пуговицу не забирай насовсем. Верни ее бабушке, чтобы она не грустила без нее.

Последний лепесток ушел в альбом. От цветика остались лишь стебелек и голая середка. Надя с Людой принялись ждать, когда исполнится их желание. Вместе с ними ждали и папа с мамой, и бабушка.

Мама каждый день чистила Марте рану, папа давал какие-то лекарства, бабушка заставляла есть – насильно засовывала телочке в рот надетую на бутылку белую резиновую соску. Еще бабушка, как всегда, что-то шептала у своей иконки.

Цветик исполнил желание девочек не сразу. Всей семьей ждали целую неделю, и Марта наконец поднялась. Она снова начала тянуться к рукам, мычать и, главное, хорошо есть.

– Вот и молодец, – порадовались за нее все в доме, – будет жить.

А уж сколько радости было сестричкам! Они обнимали Марту за шею, гладили по светло-коричневой шерстке.

– Наш цветик самый-самый волшебный, – радовалась Надя, – он выздоровел нашу Марту.

– И самый добрый, – радовалась Люда, – ничего у нас назад не забрал. И жемчужина у нас осталась, и бусы, и белые пимики.

Морозы ослабли, сменились метелью. Но телочку, чтобы залечить рану, еще на несколько дней оставили в доме, в стайку не вернули. А тут случилось, что в эти же дни овечка принесла в один окот троих ягнят.

– Ну, дочки, принимайте еще подопечного, – занес папа в дом одного из ягнят. – Подмогнуть надобно самому малому, пусть тоже в загородке пока поживет.

Маленький, словно игрушечный, в черных мягких кудряшках, с глазами-бусинами и ушками-тряпочками, вызвал он у девочек безудержный восторг. Они почти не отходили от загородки – обнимали, гладили, нянчили малышей, помогали бабушке кормить их. Оттуда шел пряный, сенной, парной запах.

– Не дом у нас, а ковчег прямо, – засмеялась мама.

– Чего ж удивляться, – улыбнулась в ответ бабушка Евдокия, – здесь люди живут.

Вечером того дня, в час, когда животинки в загородке уже затихли на сене, все в доме были заняты своими делами: мама гладила белье, папа чинил провод от электрического чайника, а бабушка вязала внукам шерстяные носки. Сами же внуки склонились над столом под солнечным абажуром и рисовали в альбоме куклу и наряды для нее.

Дело было в феврале, и Надя с Людой тогда не знали, что цветик-семицветик выполнит еще одно их желание: в марте на праздник им подарят платья, сшитые из белого шелка, как у принцесс, и маленькие пластмассовые перламутровые короны.

